

ВЕСТНИК

АКАДЕМИИ НАУК

СССР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ · ОСНОВАН В 1931 ГОДУ

МОСКВА • 1972 • АПРЕЛЬ **4**

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ ПАМЯТНИКОВ РУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ И ЛИТЕРАТУРЫ

Академик
Д. С. ЛИХАЧЕВ

В моей статье будут две темы. Первая — это условия, при которых совершаются открытия рукописей и памятников древнерусской литературы. Вторая тема — сами открытия (конечно, только важнейшие) и их значение для истории древнерусской литературы. В статье речь пойдет о памятниках именно древнерусской, а не всей русской литературы.

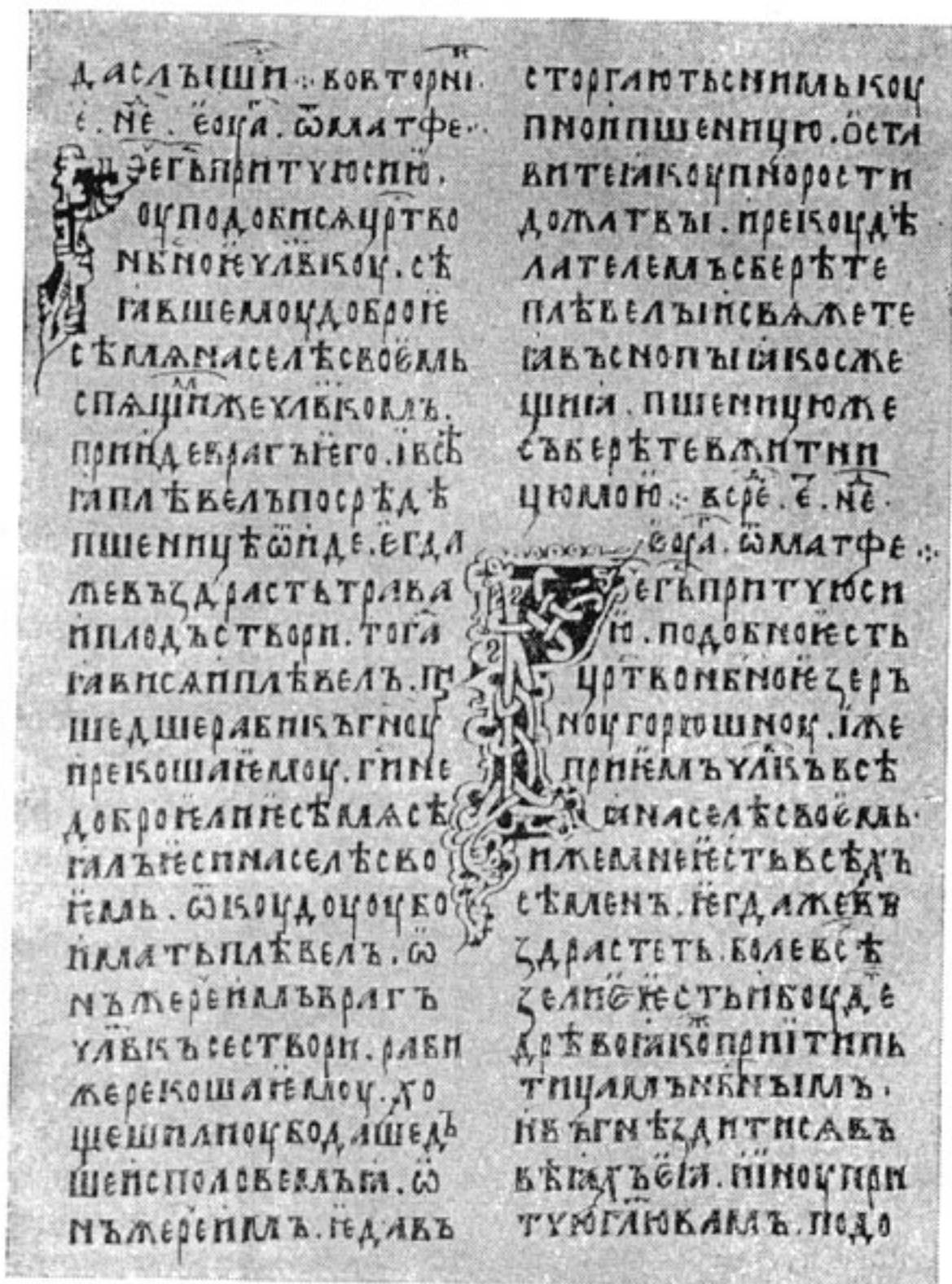
В советских хранилищах сосредоточены огромные богатства рукописей. Рукописное наследие древней Руси превосходит средневековое рукописное наследие любой другой европейской страны. Я имею в виду не документальный материал (его больше во Франции, Англии и других странах, где документы сохранились лучше, чем у нас), а литературный материал, рукописные книги. Кроме того, в Советском Союзе хранится основная часть средневековых рукописей Болгарии и Сербии, чье литературное наследие тесно связано с русским. Однако лишь немногие рукописные собрания нашей страны имеют полные научные описания, такие, например, какие созданы в Рукописном отделе Библиотеки Академии наук СССР. Государственный исторический музей, обладающий большим фондом рукописей, Публичная библиотека в Ленинграде не имеют полного научного описания. Многие рукописные книги до сих пор вообще не собраны, находятся в частных руках, у лиц, которые не представляют себе их научной ценности, что ведет к уничтожению и исчезновению книг. Вот почему мы сейчас усиленно занимаемся собиранием древнерусских рукописей.

Открытия важных памятников древнерусской литературы и ценных рукописей совершаются, как правило, двумя путями. Одни делаются в этих научно не описанных собраниях, в Москве и в Ленинграде по преимуществу, другие — во время экспедиционных сборов рукописей, главным образом на севере: на Мезени, на Печоре, в Прионежье и т. д. и на востоке, в большинстве случаев — на Алтае и на Урале. Иногда приходится слышать по этому поводу пессимистические прогнозы. Например, В. И. Малышев — крупнейший специалист по собиранию рукописей, выдающийся ученый, чрезвычайно много сделавший для русской литературы своими открытиями памятников, — каждый раз, возвращаясь из поездки на север, говорит: «Ну, это в последний раз, больше рукописей не осталось». На самом же деле открытия новых рукописей идут во

все возрастающем количестве и больше всего их делает сам В. И. Малышев.

Приведу краткие сведения о числе рукописных книг, которые только за последние пять лет собраны на севере экспедициями Института русской литературы (Пушкинского Дома) Академии наук СССР.

В 1967 г. это хранилище, созданное после войны В. И. Малышевым, приобрело 293, в 1968 г.— 322, в 1969 г.— 230, в 1970 г.— 220, а в 1971 г.— 495 древних рукописей. Собрание Пушкинского Дома, образо-

Галицко-Волынское Евангелие XIV в.

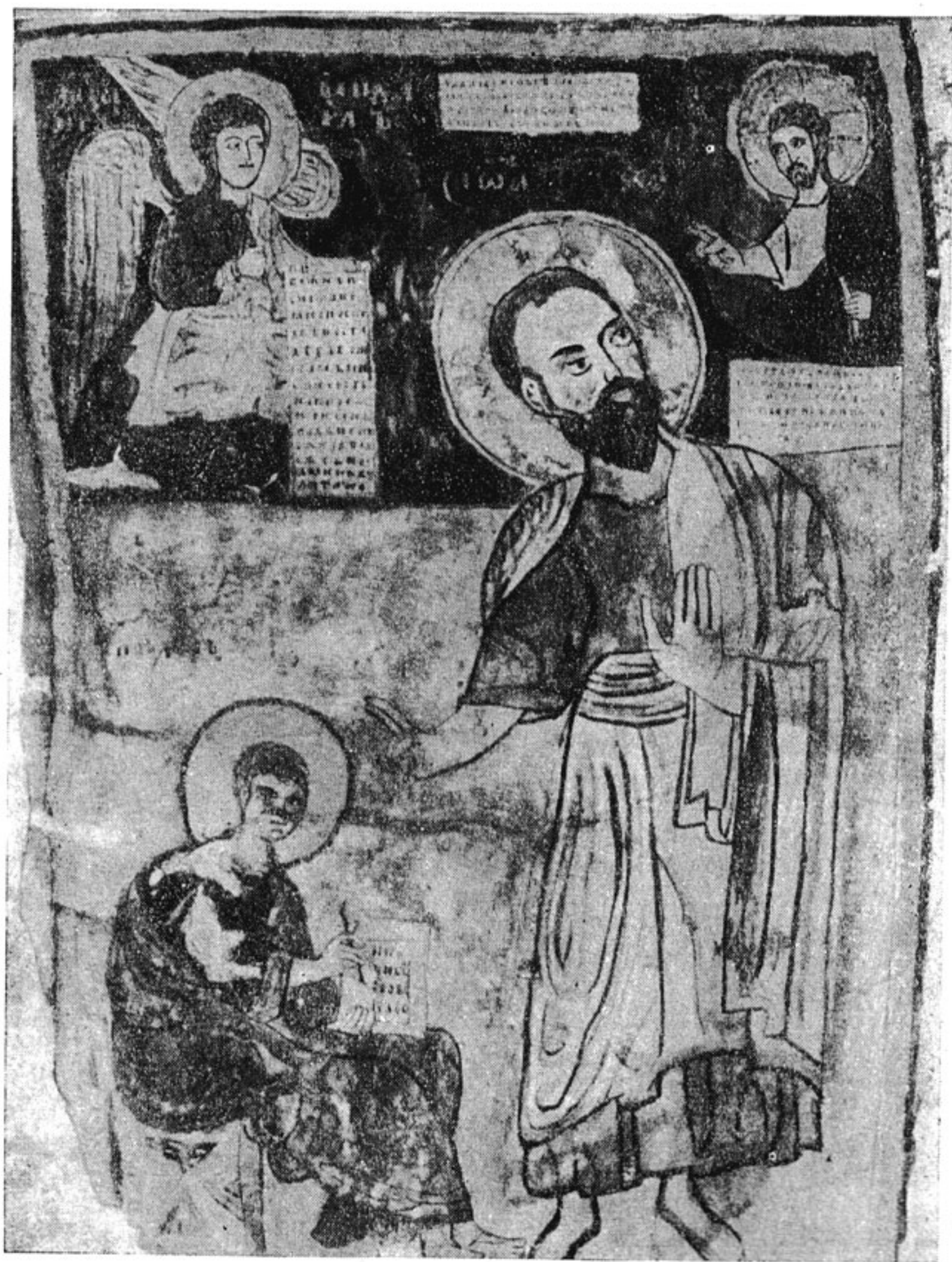
ванное преимущественно из экспедиционных находок, насчитывает сейчас более 6 тыс. рукописных книг. Для сравнения напомним, что одно из крупнейших в России Рукописное отделение Библиотеки Академии наук имело в 1917 г., когда им заведовал академик А. А. Шахматов, 4800 единиц хранения.

В хранилище древнерусских книг Пушкинского Дома — отрывки Евангелия XI—XII вв., замечательное, представляющее собой величайшую редкость Галицко-Волынское Евангелие XIV в., Евангелие, переписанное царевной Софьей Алексеевной для своего друга боярина Василия Васильевича Голицына как «утешение», когда он был отправлен в ссылку. Совсем недавно приобретен автограф «Жития протопопа Аввакума», написанного автором в земляной тюрьме в Пустозерске, откуда его вывели на сожжение; в создании этой рукописи принял участие и союзник протопопа Епифаний. Благодаря этому автографу нам удастся совершенно по-новому издать «Житие протопопа Аввакума». Открыты и другие автографы Аввакума и Епифания.

Есть в указанном собрании Архангелогородские и Пинежские летописцы в списках XVII в., которые сохраняют летописание XV в.; превосходные лицевые рукописи, а среди них Сборник новгородских повестей XVII в., приобретенный на севере, с большим количеством иллюстраций, где зафиксирован целый ряд предметов бытовой обстановки.

Хотелось бы также обратить внимание на роль Сибирского отделения Академии наук СССР. Находки новых рукописей в Сибири столь значительны, что теперь принято говорить об «археографическом открытии Сибири». До последних лет древнерусские рукописи там не искались совершенно и предполагалось, что их в Сибири нет. Русское население в Сибири появилось только в XVII в., и потому думалось, что если от

Миниатюра из Галицко-Волынского Евангелия XIV в.

XVII в. что-нибудь и сохранилось, то это не так интересно. Оказалось же, что русские пришли в Сибирь со старыми рукописями, книгами XIV—XVI вв.

Недавно в Сибири открыт наиболее ранний памятник Сибирского летописания, существование которого до сих пор только предполагалось. Речь идет о так называемом «Синодике ермаковских казаков», положенном в основу сведений сибирского летописания о завоевании Сибири.

Евангелие XVII в., переписанное царевной Софией Алексеевной

Этот памятник обнаружен Е. К. Ромодановской, работающей в Сибирском отделении Академии наук СССР. Другая находка относится к наиболее ценному собранию русских былин — сборнику Кирши Данилова XVIII в. Е. И. Дергачева-Скоп, сотрудница Сибирского отделения, разыскала пропавшие листы из его состава. В них песни о Ермаке, о том, как он взял Сибирь, отрывки былин о Ставре и женитьбе князя Владимира. Эти листы позволяют совершенно по-новому решить вопрос о том, как был создан сборник Кирши Данилова, который составлялся, по-видимому, в Сибири, на Урале.

Наконец, открыта замечательная «Похвала Сибири» С. У. Ремизова, энциклопедически образованного человека, работавшего на грани XVII—XVIII вв. Знаток Сибири, С. У. Ремизов был и литератором, и архитектором, и художником, и историком, и этнографом. Его произведение и сейчас производит очень сильное впечатление.

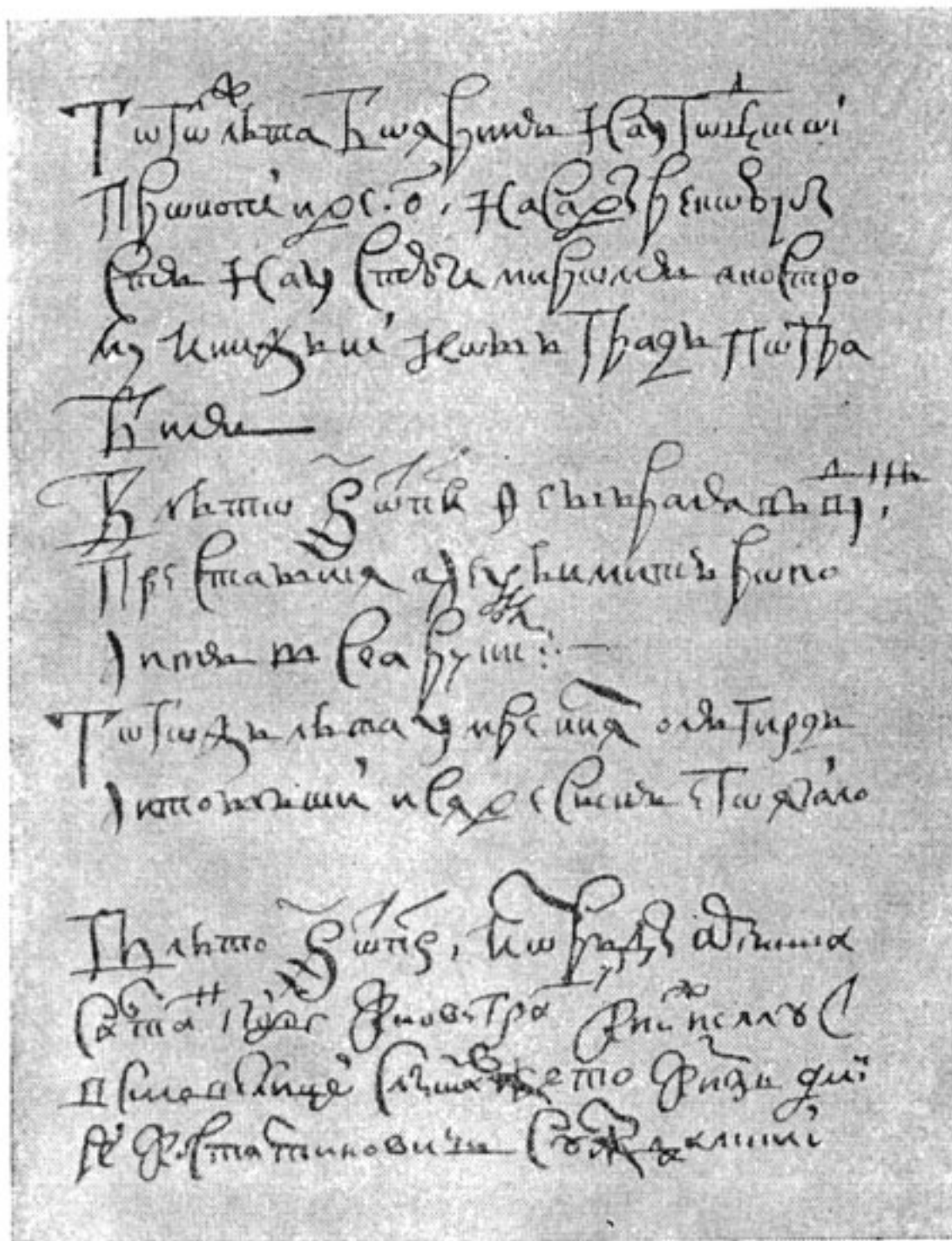
Найден и судный список над Максимом Греком, также входящий в число значительных открытий Сибирского отделения. Максимом Греком в силу его связей с Западом (в молодости он был деятелем итальянского Возрождения) интересуются сейчас во многих странах — особенно во Франции, в Италии и в Греции, где выходят интересные исследования о

ли намоисѣ за порѣками,
и ѿ нѣмъ бѣдѣхъ мѣчили родъ
спри ухлокаяся ѿ смѣти.
властелии сиода на двѣта,
таб анъ таб коучъ, киктаде
ржа кесметѣтъ, иносѣицѣ
намъ жнѣ кматери прибре
непѣжнѣ жрѣдѣ, ано жвѣдѣ
попѣли. Адавлѣи лѣтѣс пѣ
сѣтѣс броднѣ, чѣ поучнѣс брѣ
а прѣс (панко бѣ ѿ ѿа мѣдѣ
рѣ аще хопѣмъ, аще ѿкѣсѣ
тѣ спѣи на,) таб жромѣ
ѿ ѿкѣсѣмъ, спѣи тѣ
лѣтѣс, двѣи поперѣмъ
попѣ, а по пригѣдѣтѣс къ ѿ
кѣтѣ порѣ, спѣи лѣтѣс ѿкѣсѣ
рѣи бѣдѣ, аже ѿ спѣи бѣ
попѣ къ рѣ ала поплѣдѣтѣ
Ано навлѣи со а дрѣтѣс до шѣ
вѣрѣмъ ко сѣмъ ѿ ѿкѣсѣ

Житие протопопа Аввакума (автограф)

Максима Грека. И вот обнаружен полный «протокол» судебного дела, который дает ответ на вопрос о том, правильным или неправильным было обвинение Максима Грека в шпионаже в пользу Турции. Оказалось, — и теперь это можно утверждать с полным основанием, — что выдающийся деятель русской культуры, бывший и первым русским лингвистом, ни в каком шпионаже не замешан. Указанная находка, принадлежащая ученику академика М. Н. Тихомирова Н. Н. Покровскому, обсуждается теперь во всем мире.

Кстати, рукописное собрание М. Н. Тихомирова, очень большое (он затратил основную часть своих средств на покупку древнерусских рукопи-

Архангелогородский летописец XVII в.

сей), завещано им Новосибирску. Благодаря этому дару М. Н. Тихомирова и открытию новых рукописей Новосибирск стал третьим по величине и значению центром хранения древнерусских рукописей в Советском Союзе — после Москвы и Ленинграда. По количеству и ценности рукописей Новосибирск обгоняет Киев, Новгород, Псков и другие центры древнерусской книжности. Сейчас и в Ленинграде, и в Москве, и в Новосибирске есть немало молодых талантливых собирателей, знатоков древнерусского рукописного наследия, усилиями которых совершаются важные открытия.

Но самые замечательные открытия, как это ни странно, делаются все же в старых рукописных хранилищах, в научно не описанных собраниях. Трудно перечислить все те открытия, которые сделаны в них в последние годы. Там найдено, например, несколько записей былин и исторических песен XVII в., обнаружены произведения Максима Грека, Зиновия Оттенского, любопытные вирши о смерти и пьянстве, фривольная Скоморошина о чернеце, ряд произведений демократической сатиры и т. д. Эти находки и новые памятники публикуются в трудах Отдела древнерусской

литературы. Один из таких томов целиком посвящен новым открытиям древнерусских памятников (том XXI, М.—Л., 1965).

Среди первоклассных памятников, которые вошли сейчас во все издаваемые курсы древнерусской литературы, следует упомянуть стихотворную повесть о Сухане, открытую и изданную В. И. Малышевым. Мы обладаем теперь и первой пьесой русского театра. В нынешнем году отмечается 300-летие русского театра, и вот, очень кстати, первая пьеса Артаксерского действия, которая считалась утраченной, найдена одновременно — в Лионе в городской библиотеке (издана профессором А. Мазоном и доктором Ф. Копронем) и у нас в Вологде, в областной библиотеке, И. М. Кудрявцевым. Наш экземпляр парадный, недефектный, полный, однако из-за задержки с публикацией французское издание вышло раньше нашего.

Среди летописных памятников следует упомянуть Холмогорскую летопись середины XVI в. (ГПБ, Погодин, 1405), основанную на исчезнувшем своде XV в. и хранящую много новых сведений, относящихся к XV и XVI вв., которые в других памятниках отсутствуют. И. М. Кудрявцевым обнаружен очень интересный Музейный летописец (в сборнике ГБЛ, М. 3271), оказавшийся памятником великокняжеского летописания середины XV в., предшествующим известному и прежде летописному своду 1472 г. Вообще число обнаруженных в рукописных хранилищах Москвы, Ленинграда, Львова и других городов летописей за последние годы значительно возросло, изучение летописания у нас ведется очень интенсивно. Открытия отдельных рукописей, летописей и хронографов сделаны Б. М. Клоссом, В. И. Бугановым, Я. С. Лурье, О. В. Твороговым и многими другими. Издание летописей возглавляет сейчас академик Б. А. Рыбаков.

Открытия, конечно, не делаются сами по себе. Роль случая в открытиях очень велика, но чрезвычайно важна и направленность поиска. Этим определяется и характер находок, которые подчас существенно меняют наше представление о развитии древнерусской литературы.

Специалисты по древнерусской литературе много занимаются сейчас демократическими произведениями, которым до революции придавалось мало значения, историко-литературными проблемами начала стихотворства, начала театра, фольклором. Очень многие найденные памятники отвечают этой направленности поиска советских исследователей. Открытия идут им как бы навстречу. Большое внимание уделяется сейчас изучению читательских интересов, характеру деятельности отдельных переписчиков книг и целых книгописных мастерских.

Два ленинградских исследователя Р. П. Дмитриева и Я. С. Лурье предприняли изучение деятельности выдающегося книгописца конца XV в. — монаха Кирилло-Белозерского монастыря Ефросина. У него были очень разнообразные интересы — светские, познавательные, его влекло к истории и фантастике. И вот, выявляя по почерку рукописи, переписанные этим монахом, удалось обнаружить целый ряд памятников, считающихся старыми и известными, но которые Ефросин переделал и переделал очень любопытно. Это позволило объяснить характер основного, принадлежащего перу Ефросина списка «Задонщины» (списка Кирилло-Белозерского монастыря), и, кстати, это уже решает вопрос о зависимости «Задонщины» от «Слова о полку Игореве». В рукописях Ефросина есть и новая версия «Сказания о Китоврасе», «Сказания о дочери Александра Македонского» (русское произведение) и, главное, «Слово о Рахмане и предивном их житии».

Последний памятник имеет исключительное значение с точки зрения развития утопических идей. «Утопия» Томаса Мора вышла в 1516 г., а «Слово о Рахмане», утопия русского происхождения, относится, по край-

Миниатюры из месяцеслова XVII в.:
Зима

Весна

ней мере, к концу XV в. Утопия содержит рассказ о счастливом народе, не знающем ни золота, ни серебра, ни царя, ни купли, ни продажи, ни боя, ни зависти, ни вельмож, ни татьбы, ни разбоя. Эта социальная утопия очень высокого уровня. Напомню, что у Томаса Мора в «Утопии» сохраняется даже рабство, а здесь — полное равенство между всеми и никаких вельмож. Причем любопытно, что средневековый русский книжник помещает свою утопию тоже на острове, как и Томас Мор.

В результате открытий памятников по-новому предстает жизнь русского Севера XVII в. Жития святых превращаются среди беломорских поморов в народные рассказы, где святой выручает рыбаков, указывает им путь, освобождает их судно от червей, которые точат дерево, и т. д. и т. д. В подобных рассказах множество интереснейших бытовых подробностей. Значительные открытия в этой области принадлежит Л. А. Дмитриеву.

Среди произведений демократической сатиры обнаружен стих «О жизни патриарших певчих», представляющий собой антицерковное произведение.

Благодаря открытиям новых произведений неизвестных ранее авторов и поэтических школ очень сильно изменялись наши представления о русской поэзии XVII в. Прежде всего, раздвинулись рамки силлабического стихотворства. О. А. Белоброва нашла самое раннее датированное силлабическое стихотворение. Оно принадлежит перу одного из деятелей Смутного времени — Евстратия и сочинено в 1613 г., что, таким образом, значительно отодвигает вглубь начало русской поэзии. Я. Х. Горфункель,

• ЛѢТНЬ •

СТАЛ РАНО ЗѢРА ИДО
ВЕЧЕРА ДѢЛАА БЕСПО
КОА •

ЛѢТНЬ

ЖИТЬ ЧЛКШМЪ !

ОДЪ КРАЩАЕ ВЪКЪ

Миниатюры из месяцеслова XVII в.:
Лето

Осень

сотрудник Ленинградского университета, открыл нового поэта. Это — поляк Ян Белобоцкий, принявший в православии имя Андрей. Ян Белобоцкий приехал в Москву в феврале 1681 г. Перед тем он долго жил во Франции, Бранденбурге, в Италии. В Испании он учился в Вальядолидском университете. Испытав гонения иезуитов, Ян Белобоцкий решил искать счастья в России. Я. Х. Горфункель обнаружил два его стихотворных произведения, написанных, разумеется, на древнерусском языке.

А. М. Панченко нашел поэму «Лествица к небеси», очень сходную с теми, что писал Ян Белобоцкий, и новый цикл стихотворений Селивестра Медведева. Замечательный поэт, Селивестр Медведев был приверженцем Софьи Алексеевны и кончил жизнь на плахе. Все его произведения было предписано сжигать, поэтому сохранилось их очень мало. С новым открытием стихотворное наследие Селивестра Медведева увеличилось в два раза.

Фигуры древнерусских поэтов вообще очень любопытны. В делах посольского приказа москвич Ю. Б. Симченко открыл стихотворение Тимофея Акудинова (1646 г.). Тимофей Акудинов объявил себя потомком царя Василия Шуйского. Он жил в Польше, затем в Турции, Италии, Швеции. Выдала его московскому правительству Гольштиния, и в 1653 г. в Москве он был четвертован. Тимофей Акудинов писал стихи. Особенно важна его декларация, поданная московским послам в Константинополе, где он в стихах обосновывает свои мнимые права на русский престол и в самых резких выражениях обличает Романовых. Это первый образец свободной политической русской лирики.

Л. С. Щептаев ввел в научный оборот несколько произведений автора

первой половины XVII в. — Савватия, справщика, т. е. ученого-филолога Московского печатного двора. Московский печатный двор был в XVII в. не просто типографией, это было и издательство, и ученое учреждение. Наконец, А. М. Панченко доказал существование особой поэтической школы, которую он предлагает назвать «приказной школой». Такая поэтическая школа существовала с 30-х до 50-х годов XVII в., и в ней видное место занимал упоминавшийся справщик Савватий. Как установил А. М. Панченко, в эту школу входило несколько десятков поэтов, ранее не известных. В рукописной традиции сохранилось несколько сотен их произведений. Среди приказных стихотворцев были очень интересные фигуры, любопытные даже своей биографией, — например посол в Персии в 1636—1638 гг. А. С. Романчуков. Кстати, именно в Персии он написал стихотворение в альбом одному из участников Гольштинского посольства. Это был первый факт знакомства европейцев с русской книжной поэзией. Заметим, что с русским фольклором европейцы познакомились несколько раньше благодаря записям Ричарда Джемса, которые сейчас хранятся в Оксфорде и которые нам непременно следовало бы вместе с англичанами обязательно издать факсимильно.

К приказной школе принадлежал и аристократ Михаил Юрьевич Татищев — прадед императрицы Анны Иоанновны. Но в основном участники этой школы — представители книжной науки того времени, справщики Печатного двора. Эта приказная школа заполняет сейчас большую лауну в истории русского стихотворства, ту мнимую пропасть, которая, как считали прежние исследователи, разделяла русскую поэзию 10—20-х годов XVII в. и поэзию второй половины XVII в.

Кратко перечисленные мною недавно найденные памятники далеко не исчерпывают собой всех текстов открытий последних лет. Особенно следует принять во внимание, что иногда очень трудно отличить открытие памятника от обнаружения нового смысла памятника уже найденного, благодаря чему, собственно, памятник и становится в историко-литературный ряд.

Можно привести такой пример. Исследователей древнерусской литературы за редкими исключениями не интересует церковная литература. Поэтому при описании рукописей, при их просмотре, специалисты, когда доходят до церковной литературы, ее пропускают.

Из рукописей такого рода известен был «Канон Ангелу Грозному» Парфения Уродливого, но он не привлекал внимания исследователей, не публиковался. Мне удалось доказать, что под псевдонимом Парфения Уродливого скрывается царь Иван Грозный, который был замечательным писателем, интересным музыкантом и композитором.

Когда было обнаружено, что Канон Ангелу Грозному принадлежит Ивану Грозному, текст его зазвучал совершенно по-другому. Он оказался оправданным всей ситуацией царствования Грозного и всей его личностью. Это памятник очень большой силы, в котором сказывается бред преследования, чрезвычайный страх смерти, стремление покаяться в грехах и т. д. Ангел смерти выступает в этом Каноне как великий и мудрый хитрец, грозный воевода, страшный посланец, перед которым все равны: цари и воеводы. Грозный чувствует, что от Ангела Смерти нельзя укрыться. Ангел не знает жалости. Между прочим, культ Архангела Михаила, как в свое время показала О. А. Добиаш-Рождественская, в средние века на Западе связывался с культом дьявола. Поэтому в чертах Ангела Грозного — архангела Михаила, возможно, есть и сатанинские черты.

Грозный просит Ангела Смертоносного просветить его мрачную душу, оскверненную злыми похотьми, окаянную и убогую, злосмрадную и мерзкую. В этом — все настроение Грозного, его характерные выражения. Он

просит спасти его душу «от сети ловящих его», изъять его из рук врагов, соблюсти его в бедах и скорьбех, в печалях, на распутьях, на реках, в пустынях, в ратях (т. е. на войнах), в царях и в князьях, в вельможах, в людях и во всякой власти и от всякой притчи и от дьявола. Он даже просит соблюсти его от очей злых человек и от внезапной смерти, которой он страшно боялся всю жизнь. Грозный был суеверен и боялся сглаза, и это все отразилось в необычайном Каноне и следующей за Каноном молитве, которая есть в немногих рукописях. Значит, известный ранее памятник, зафиксированный в обычных описаниях, приобретает новое звучание, когда мы можем найти его автора.

Открытия новых памятников и ценных рукописей, о незначительной части которых шла речь, опережают наши исследовательские возможности. Сейчас мы не в состоянии «переварить», научно освоить все то, что получаем от открытий последних лет. Крайне ограничены наши возможности публикации и исследовательские кадры, и, тем не менее, мы должны спешить с поисками рукописей, с экспедиционными работами и с полными научными описаниями в наших основных рукописных хранилищах. Сейчас это наша главная задача.